

Полина Корицкая

Поэт, прозаик. Лауреат фестиваля «Филатов-Фест», премии им. Риммы Казаковой «Начало», а также Волошинского конкурса. Дипломант и полуфиналист премий «Болдинская осень», «Дебют», «Лицей», «Золотой Витязь», «Большая книга». Член Союза писателей Москвы. Автор трех поэтических и двух прозаических книг. Ведущий редактор издательства «Эксмо».

Когда вокруг сгустился мрак,
Я сделалась слепой,
Но подняла любовь, как флаг,
Над гордой головой.

И удержать едва смогла
Тяжёлый этот дар.
Я стала твёрдой, как смола,
Застывшая в янтарь.

И преклонились предо мной
Диктаторы, цари.
Самой войне грозя войной,
Мой флаг — мой стяг! — парил.

И я бессмертною была,
Стояла, как стена,
Но вдруг однажды поняла:
Любовь — и есть война.

...Пока она летела вниз,
Окружности чертя,
Я осознала: это жизнь
Летит ко всем чертям.

Перевернулся золотой
Воздушный купол дня,
И оказался под пятой...
Но раздавил — меня.

Я слышу приглушённый плач
Любви моей порой,
И волочу её, как плащ
С отпоротой полкой.

Но мне себя уже не жаль:
Я — элемент канвы.
И шар земной вращает жар
Распахнутой любви.

Я помню всё, о чём не досказала.
И никогда твой выбор не пойму.
Летит по центру чёрного вокзала
Последнее дурное «почему».
Летит с оглядкой на мирскую славу,
Людскую слабость, ветреность, войну.
На «воронки», венки и балаклавы.
На всё, что я обратно не верну.
С оглядкой на беспомощность и веру,
С оглядкой на бессонницу и злость, —
По твоему весёлому примеру
И мне повеселиться удалось.
И я смотрю, смотрю и не моргаю
(Я столько проморгала, боже мой)
На всё, что мне ничем не помогает,
Но почему-то гонится за мной.
Летит мой крик, крюком пронзая город, —
Что, никудышной, некуда мне жить,
И весь вокзал брюшиною распорот:
Тебе за жизнь обратно не зашить.

Не придавая лишних значений,
Время идти вперёд.
Что мне качанье любых качелей
После таких высот?

Что мелководье — песок и тина —
После таких глубин?
Будто бреду в полотне картины,
Сплошной чередой картин.

И накрывают волной каскады,
Скрыли совсем уже.
Тысячу лет в желтизне наскальной
Двигается мой сюжет.

Вейся, верёвочка, длись, качанье,
Время, шаром катись, —
И продолжай начинать сначала,
Неотвратимо — жизнь.

Дыши, — самой себе скажу.
А как же, — говорю,
И вполдыхания дышу.
Я вполдыхания дышу —
И невзатыг курю.

Ходи, — ещё себе скажу.
Себе отвечу, — да.
И вполдвижения хожу.
Да, вполдвижения хожу,
Ходить должна когда.

Я соберу себя по шву,
Я выстроюсь — стеной:
Две жизни наших проживу.
За нас обоих проживу.
Пока ты — ни одной.

Я чувствую радость твою,
Беспечную и перьевую.
Плечом прикасаясь, ловлю,
(Причём — не касаясь — целую).
Я чувствую радость твою,
Немея от гулкой улыбки.
И ей причащаюсь, и пью,
И лью по литровым бутылкам.

Да будет та радость сиять
Среди коченеющей кухни,
Где мне ещё зиму стоять
И где задыхаться июнем.
Солёную осень глотать,
Март позвоночником чуя...
Малости той благодать —
Радость, которой хочу я.

Я чувствую: радость твоя
Так долго взрастала без кожи.

Умножь её, Боже, на два.

Не отдели меня, Боже.

Мы встретимся, мы увидимся,
Я больше не буду ранена.
И звоном молчанье выльется
От ВДНХ до Раменок.
Город заполнят гомоном
Птицы мои сердечные —
И полетят над городом,
Пути отпирая млечные.
Помчатся под нами лестницы,
И бешеным эскалатором
Земля подо мной завертится,
Вибрируя всем экватором.
История человечества
Застынет и остановится.
Тебя я увижу вечером.
Смогу до тебя дотронуться.
Не рукавами: крыльями.
И не плечом, а фениксом.
Пути твои были пыльными,
От гор Маоке до Феникса.
И аритмия города
По кровотоку мечется:
До-скоро-до-ско-до-скорого
Финала
премьеры
месяца.

Я помню только солнце сквозь листву.
Лежу — и вижу мир наоборот.
До ста считаю, дохожу до двух,
Сбиваю счёт.
И начинаю снова.
Мы встретились.
И было полвторого.
И до полпервого мы не могли сойтись,
И на качелях замирала жизнь.
Молчала смерть, когда её качала.
Она таких же раньше не встречала.
Возьми меня, как маленькую жизнь,
На грудь прими, как триста граммов водки,
Потом не отступись, не отступись,
Не опустишь до запоздалой сводки.

Не делай шаг за тёмную листву,
А то и мне... А я пугаюсь леса.

Зато я точно знаю: было лето.
Почти до двух.

Устав от смерти, одеться белым, уйти к закату.
Бубня пустое (не виновата, не виновата).
Пуškai сегодня, хотя б сегодня, — жара и Сходня.
Простая зелень, хотя б сегодня, хотя б сегодня.

И чтобы Сходня — мала, огромна, исповедима.
Почти что ровня, хотя б сегодня, соизмерима.
И, соразмерна — нужде, печали, чужому «больно», —
Свой ковш подставить могла под слёзы, хотя б сегодня.

И ковш наполнится — аж по кромку — внутри слезами.
И разойдутся снега и воды в тебе сезамом.
Сплетётся разом всё, что молчало, в тугую ярость,
Что сколько можно, да в кои веки, и кто остались...
Как неподъёмна, невыносима, бездонна жалость:
Непредставимо ни позабыть всех, ни предоставить.

И если долго сидеть недвижно перед рекою,
Однажды Сходня воспрянет птицей береговою.
И станет тихим во рту прощенье, придёт прощанье.
Не будет смерти.
Хотя б сегодня.

Пообещай мне.

Не спорю — всё хорошо, и всё ужасно, не спорю...
Пабло Неруда «Романс о жизни и смерти»

Всё так хорошо, так ужасно притом, —
Признать и принять невозможно.
И я, как дурак, над обычным листом
Мычу и рычу односложно.

Одновременно смеюсь и ревя,
Себе ни на грош не поверя.
Как же отрадна победа моя!
Как же страшна потеря!

И пусть мне такой же убогий нальёт —
Который, вот так же, у Бога:
Я праздную несовершенство своё,
Пою невеличие слога.

И ты, невеликая, выпей со мной,
Уже ничего не поправить.
Не отменить круговерти земной,
Но можно оплакать по праву.

Отгоревать, что совсем хорошо,
Затем отсмеяться до жути.
Тот, кто ушёл, — безвозвратно ушёл.
Тот, кто пришёл, — не осудит.

Смейся, сестра моя, выплачься, брат!
Не жди завершения пира.
Будет всё плохо, а значит — виват:
Всё хорошо с этим миром.